

Когда Чу Жоюнь только начинал учить шаги танца поклонения Небесам, ему казалось, что это очень сложно. Однако освоив их, он понял, что движения танца на самом деле просты, но требуют многократного повторения.

Чтобы церемония поклонения Небесам прошла без единой ошибки, он одновременно практиковал танец и пел ритуальные песнопения.

Еще до начала церемонии он непрерывно тренировался, отдыхая лишь тогда, когда уставал, и продолжая после глотка воды.

Каждый раз, исполняя танец и напевая песнопения, он ощущал что-то новое.

Пока он танцевал и пел, его тяжелое настроение постепенно облегчалось.

Он вдруг понял, почему люди говорили, что церемония поклонения Небесам может принести благословение и облегчить страдания.

Он сам почувствовал, как его притягивают эти изящные движения и утешает эта глубокая, душевная песня.

При этой мысли он невольно улыбнулся, радуясь тому, что может проводить такой священный ритуал для других.

*

Небо постепенно темнело, а вокруг племени зажглись факелы.

Чу Жоюнь продолжал танцевать и петь, пока кто-то не открыл палатку, заставив его остановиться и посмотреть на вошедшего.

Юэ, увидев Чу Жоюня со скипетром в руках, предположил, что тот только что исполнял танец поклонения Небесам, и сказал:

— Скоро начнется церемония поклонения Небесам, надеюсь, ты пойдешь со мной.

— Хорошо, — ответил Чу Жоюнь.

Они вышли из палатки и направились к жертвенному алтарю племени.

Они прошли мимо разрушенных каменных домов и заросшей травой тропы, долго шли, пока не вышли на открытое пространство.

В центре находился жертвенный алтарь, вокруг которого уже горели факелы. Этот алтарь был похож на тот, что сейчас был в их племени, что говорило о том, что здесь когда-то было древнее племя, которое после встречи с племенем Юэ и их слияния покинуло это место из-за миграции.

Вокруг алтаря, как и в их нынешнем племени, стояли каменные столбы.

Перед алтарем уже собралось множество людей, а в центре, на звериных шкурах, лежали истощенные женщины.

В тусклом свете факелов их лица и тела выглядели пугающе, но никто из окружающих не проявлял ни страха, ни отвращения, все заботливо ухаживали за ними.

Увидев его приближение, все опустились на колени. Он медленно шел к алтарю, шаг за шагом, его сердце было тяжелым.

Как могло быть иначе, когда он видел столько женщин, лежащих на шкурах?

Поднявшись на алтарь и обернувшись, он увидел людей, стоящих перед ним без радости на лицах, и женщин, лежащих неподвижно в центре. Он открыл рот и, спустя долгую паузу, произнес:

— Сегодня я стою здесь, чтобы молиться за наше племя, за тех, кто лежит на шкурах. Пусть наши тела избавятся от страданий, а души — от мук!

После этих слов он поднял скипетр и громко провозгласил:

— Пусть божества благословят нас, чтобы наши тела избавились от страданий, а души — от мук!

Его громкий и энергичный призыв вызвал ответный крик толпы:

— Пусть божества благословят нас, чтобы наши тела избавились от страданий, а души — от мук!

Племя Юэ было многочисленным, и их голоса сливались в единый мощный гул, разносившийся далеко вокруг.

Многие из них не знали Чу Жоюня, многие даже не видели его раньше.

Но увидев его на алтаре, они почувствовали, что он такой же добрый и мягкий, как их жрец, и это дало им чувство успокоения.

Когда Чу Жоюнь произносил свои молитвы, они тоже кричали в ответ.

*

Чу Жоюнь стоял на алтаре, наблюдая за толпой, которая продолжала кричать.

Когда все утихло, он начал двигаться, исполняя танец поклонения Небесам.

Благодаря многочисленным тренировкам шаги танца глубоко запечатлелись в его памяти.

Теперь он исполнял их легко, не задумываясь, движения были плавными и естественными.

Раньше он проводил церемонии в пижаме, но сейчас, без нее, танец стал еще более свободным.

Держа скипетр, он вычерчивал каждую дугу, двигался плавно, исполняя каждое движение. После завершения части танца он начал петь ритуальные песнопения.

Его голос, наполненный радостью и легкостью, разносился вокруг алтаря.

Мужчины, стоящие перед алтарем, с самого начала танца были очарованы фигурой Чу Жоюня. Его светлая кожа под светом факелов казалась еще более прозрачной, каждое его движение было подобно произведению искусства, от которого невозможно было оторвать взгляд.

Когда он начал петь, его радостный голос и мелодичные звуки проникали в их уши и глубоко в

сердца.

Этот голос был словно успокаивающая рука, которая постепенно залечивала их душевные раны.

*

Когда Чу Жоюнь запел, женщины, лежащие на шкурах с закрытыми глазами, словно почувствовали что-то, и медленно открыли глаза.

Их мутные взгляды устремились в темную ночь, а затем они подняли глаза к источнику звука, решив, что видят божество.

Иначе почему его кожа была такой белой и прозрачной, а движения такими мягкими и прекрасными?

Они не могли поверить, думая, что это сон.

Чем больше они слышали его голос, тем больше физическая боль уменьшалась, и их неподвижные тела начинали медленно двигаться.

Голос проникал в самую глубину их сердец, словно кровь, наполняя их теплом.

Они неотрывно смотрели на человека на алтаре.

Его белоснежная кожа под светом луны и факелов казалась еще более священной. Его легкие движения под радостное пение заставляли их продолжать слушать, а также вспоминать множество счастливых моментов из прошлого.

Некоторые вспоминали спокойные дни жизни здесь, заботу родных в детстве, и моменты, пережитые во время миграции.

Они не могли сдержать улыбки, их бледные губы растягивались в улыбке.

Спокойная жизнь была уютной, а дни миграции — радостными.

Инь, матушка Юэ, открыв глаза и увидев Чу Жоюня на алтаре, подумала, что божества простили их и избавят от физической боли. Но, увидев его движения и скипетр в его руке, она поняла, что это не божество, а молодой жрец.

Ее племя всегда жило хорошо, с момента ее рождения до того, как отец Юэ похитил ее, и до их миграции вместе с ним. Они никогда не сталкивались с серьезными трудностями.

До совершеннолетия ее семья была сильной, а после того, как отец Юэ похитил ее, он стал еще сильнее. Они никогда не испытывали недостатка в еде, и ничего серьезного не происходило, поэтому их племя никогда не проводило церемонию поклонения Небесам.

Хотя она умела танцевать танец поклонения Небесам и знала ритуал, она никогда не исполняла его для племени.

Теперь, будучи жрицей, в самые тяжелые времена для племени она не могла танцевать для них.

Она вдруг почувствовала глубокую печаль и горе.

Но, слушая его голос и наблюдая за его движениями, ее горе постепенно утихло, и даже физическая боль уменьшалась.

Она была настолько очарована каждым его движением, что не могла отвести взгляд.

Наблюдая за его движениями, она вспоминала, как училась танцу поклонения Небесам у своей матушки. Тогда все было так тепло и уютно.

Ей очень хотелось снова станцевать этот танец, но ее изможденное тело не могло подняться, и она не могла танцевать.

Как и другие, она вспоминала многое: слияние племен, свадьбу с отцом Юэ, решение племени мигрировать вместе с ним в поисках лучших мест и новых впечатлений.

Они побывали во многих красивых местах, пробовали незнакомую еду, искали родственников матушки, но так и не нашли их.

Примечания отсутствуют.

<http://bllate.org/book/16900/1567404>